

STRELKA

ДЕЙСТВИЕ ЕСТЬ
ФОРМА

PRESS

ВЫСТУПЛЕНИЕ
ВИКТОРА
ГЮГО НА
КОНФЕРЕНЦИИ
TED

ПРЕСС

SERIES 1

КЕЛЛЕР
ИСТЕРЛИНГ

ДЕЙСТВИЕ ЕСТЬ ФОРМА
ВЫСТУПЛЕНИЕ ВИКТОРА ГЮГО НА
КОНФЕРЕНЦИИ TED
КЕЛЛЕР ИСТЕРЛИНГ

Мобильные телефоны улавливают микроволны. Кредитные карточки универсальной толщины (0,76 мм) проскальзывают в слот банкомата в любой точке мира. Компьютеры синхронизируются. Мировая транспортная система и промышленное производство регулируются размерами грузовых контейнеров. Эти повсеместные и на первый взгляд незначительные явления — приметы глобальной инфраструктуры.

Слово «инфраструктура», как правило, вызывает ассоциации с физическими сетями — транспортными, информационными или инженерными. Это либо скрытый пласт, либо связующая среда. Однако сети — это не только подземные трубопроводы и переплетения оптоволоконного кабеля, проложенного по дну океана. Это пучки микроволн, отражающиеся от спутников, и рассеянные по миру электронные устройства, и общие технические платформы. Инфраструктура, зачастую вовсе не скрытая, предоставляет точки связи и доступа, позволяющие обнаружить в пространстве повседневности базовые правила мироустройства.

Другое, возможно более важное, наблюдение: здания и даже целые города стали сегодня инфраструктурными технологиями. Повторяющиеся формулы — от типовой пригородной застройки и скоростных трасс середины XX века до торговых центров, курортов, гольф-клубов и гипермаркетов современной культуры — определяют значительную часть обитаемого мирового пространства. Из уникальных оболочек, созданных вручную, здания превратились в легко воспроизводимый пространственный продукт. На долю архитектуры в мировом освоении пространства сегодня приходится

тонкая струйка, в то время как все остальное выливается из брендспойта стандартизации. Знакомое конфетти ярких коробок на черном асфальте и зеленой траве рассказывает тщательно разработанные истории о кофе Starbucks, булочках с кремом Beared Papa и сетевых гольф-клубах Арнольда Палмера. Эти откровенные шаржи на абстрактное мышление формируют большую часть пространств, в которых мы с вами обитаем. Сегодня не только небольшие поселения и курорты, но и все города мира строятся по формуле, в соответствии с которой в любой части света, как правило, воспроизводится Шэньчжэнь или Дубай.

Какой бы знакомой ни была эта конфигурация, массовая культура все еще не нашла убедительного способа показать разрыв между объектом и средой. Произошло размывание границ между реальным объектом и матрицей: инфраструктура уже не просто основа градоустройства — она и есть само градоустройство, и именно она определяет параметры глобального урбанизма. Город как собрание уникальных архитектурных шедевров остался в прошлом. Непрерывное производство пространственных продуктов и градостроительных формул становится все более инфраструктурным. Архитектура сегодня — это камень, брошенный в воду, где вода — весь мир.

ВИКТОР ГЮГО НА КОНФЕРЕНЦИИ TED

В «Соборе Парижской Богоматери», знаменитом романе XIX века, события которого разворачиваются в XV веке, Виктор Гюго писал: «...Вместе с развитием человеческой мысли, стало развиваться и зодчество [речь в данном случае идет о соборе]; оно превратилось в тысячеглавого, тысячерукого великана и заключило зыбкую символику в видимую, осязаемую бессмертную форму». Словами архидьякона, одного из героев романа, он предсказал, что изобретенная Гутенбергом новая технология может побороть этого великана. Печатное слово подчинит себе творческое воображение и похитит у архитектуры ее сверхъестественную силу. «Книга убьет здание».

На первый взгляд, современное представление о городском пространстве как продукте инфраструктурных технологий подтверждает мысль Гюго о смерти архитектуры. Информационный взрыв — также бесспорный факт. И здесь у Гюго, безусловно, есть шанс вступить в XXI век, совершив головокружительный разворот. Он может восстановить пространство в его праве на выражение невербализуемой культурной фантазии. Он способен доказать, что таинственный тысячеглавый, тысячерукий великан воспрял к жизни благодаря бурному росту мощной материальной невербальной среды — матрицы всемирной инфраструктуры. Этот новый великан к тому же является секретным оружием самых могущественных в мире людей. Его нельзя погладить

или приручить, зато им можно манипулировать, его можно использовать. Для этого необходимо искусство политики — искусство, основанное, казалось бы, на совсем безыскусном материале. Пространственные технологии могут обладать силой и действенностью если не текста, то программного обеспечения: это постоянно обновляющаяся платформа градоустройства. Руководствуясь принципом «нечто убивает нечто», Гюго мог бы сочинить новый культурный мем: поверженная книгой архитектура возвращается, воплощенная в еще более могучей сущности — в самой информации.

Это, конечно, потребовало бы от людей из TEDa некоторых дополнительных усилий. Гюго должен был бы стать немного бодрее, жизнерадостнее. Решающее значение здесь имеет диспозиция выступления: кто говорит и как, кто повторяет и для кого. Новый, предприимчивый Гюго не станет выступать перед архитекторами. Гюго XIX века наделил архитектуру экзистенциальной тревогой по поводу утраты ее мистической силы, отчего «архитектурная» часть романа утомляет заламыванием рук и критическим самоанализом. Нет, Гюго XIX века, если его должным образом направить, будет выступать перед совершенно другой аудиторией, нацеливаясь на главных игроков в зале, которые если что-то и понимают про силу пространства, то именно потому, что не обременены архитектурной культурой. Искусство архитектуры — это то, что нужно, но здесь-то и таится главная сложность для Гюго. Ему необходимо отойти от архитектуры, чтобы вернуться к ней в куда более осмысленной аудитории.

Магию придется искать в самых заурядных пространствах, но Гюго отлично справится. Для этого у него есть борода. «Архитектура и есть информация». Требуются, конечно, пояснения, но звучит хорошо. На неопределенности тоже можно сыграть. С микрофоном-